

***

К зиме на шаг несмелый подойти.
Глоток спиртного бесится в груди:
Трахею ломит, точно месит тесто.
И жизнь не зарифмуется, поди,
Переходя на ямб с пустого места,

Где мерзлая бутылка коньяка
В почтовом – вместо писем долгожданных.
Так жадно пью, как пьёт у родника,
Жилец многоэтажного мирка,
Спасаясь от снежинок восьмигранных.

И памяти хватает падежей
Обрисовать пейзаж с предзимним адом:
У новостройки, встретившись с закатом,
Летят окурки с верхних этажей.
Что загадать под этим звездопадом?

***

Е. В.

Холодного лета запел тонконогий сверчок.
О чем он трещит, одинок?
Я песенку эту успел заучить назубок,
Сверчку подпевая, как мог.
О том, что виднеется свет за дождем проливным,
Надежда за светом видна.
Язык каменеет, становится голос немым.
И этого хватит сполна.

Что дальше, сверчок? И какую мелодию ты
Затянешь себе на уме?
Не пой, что навеки гранитные будут цветы
Зиять в ледяной бахrome.
Вернусь на полжизни обратно, замок отперев
Оградки высокой стальной,
Чтоб снова услышать холодного лета напев
И голос спасительный твой.

Вишневые губы ее опьянят, горячи.
Глаза – изумруд в молоке.
Мелодия тлела, как дым поминальной свечи —
И воском осталась в руке.
Чтоб я не заметил, как сделались губы бледны,
Что тонок твой стал силуэт.
Вдруг взялся откуда? С какой прилетел стороны
Сверчок? Неужели на свет?

***

В пять утра запрягали коня.
И будила меня, семиклашку,
Молодого отца беготня
С полосатой душой нараспашку.
Молотком отбивали цевьё,
И точили, и прятали в сено
На телеге. И детство мое,
Исчезало в тумане мгновенно.

Приезжали в затерянный мир,
Где царила трава луговая,
Где небес негранёный сапфир
Рассыпался от края до края.
Начиналась учеба моя:
Приглядеть за работой мужскою
Мозаичным зрачком муравья,
Роговицей его колдовскою.

Кто сильнее, чем эти мужи,
Полубоги с загаром до пяток?
Шелестят их косые ножи
У меня вызывая припадок.
Я смотрю уже тысячу лет
Как ложится у них за спиною
Золотой деревенский рассвет,
Перерезанный острой косою.

* * *

Приснись мне под утро в белом, как молоко,
платье, и улыбнись, и скажи: «Легко
жить без тебя, смеяться, варить обед.
Я не скучала ни разу за восемь лет!».
И попроси отвернуться, поправь чулок,
сделай глоток из горлышка. «Одинок?
Я-то подумала, что у тебя жена
сходит с ума от ревности и вина.
Я-то надеялась встретить твоих детей —
маленьких лебедей на пруду...» На ней
белое платье, прозрачное, как дымок.
«Видишь, родная, я без тебя не смог...».

* * *

Думал я: ничего не прощу,
Все запомню, во тьму утащу
И под землю, где толпы родные
Колобродят у адских котлов,
Отнимают у новых послов
Деревянные «гробовые».

Во дворе молотили толпой.
Помню каждого, Боже ты мой,
(Причитаю: «Не больно, не больно»)
Самый младший привстал и тишком
Два ребра раздробил сапогом,
И заржал, типа, это прикольно.

И потом обижали не раз.
Материл бородатый абхаз
С мамой нас за пустые корзины.
И за то, что ее костыли
С громким треском касались земли,
Отпугнув двух старух от витрины.

Хватит сил, чтобы память напрячь,
Но простить, ибо я – не палач.
За меня вам уже отомстили:
Положили в осиновый гроб,
На прощание чмокнули в лоб,
На веревках поглубже спустили.

* * *

Тяжкой долею гонимы,
Связаны одной судьбой,
Заходили в магазины,
Закупались колбасой,
Пивом светлым, пивом темным,
Водкой теплой, как навоз.
И гудел о чем-то стремном
Одноглазый паровоз.

Светит месяц, светит чистый,
Как цыганка в золотом,
Мы его в ломбард на Чистой
До аванса отнесем.
Нет, не думы роковые
Хмурят бледное чело,
Это деньги гробовые
Тратить время подошло.

Я добрался до конечной
Остановки, где тупик.
Там мороз бесчеловечный
До костей в меня проник.
И остался, как заноза,
Лет на семьдесят вперед.
Долгожданная мимоза
Все никак не расцветет.